

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

*Н. В. Кузьмина**

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Явление экстремизма до сих пор не имеет однозначного толкования как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. Преступления экстремистской направленности имеют высокую степень общественной опасности и по своим мотивам, и по объективным характеристикам деяний. Согласно статистическим данным в структуре расследованных преступлений экстремистской направленности на долю умышленных убийств с покушениями в 2007 г. приходилось 11–23 %, что намного больше, чем в общем числе всех расследованных преступлений.¹ В 2009 г. количество экстремистских преступлений возросло до 548.²

Вместе с тем уголовное преследование лиц, совершивших экстремистские преступления, в настоящее время связано со значительными трудностями, поскольку доказательственная база по делам этой категории в существенной части относится к сфере умысла, т. е. субъективной стороне состава преступления.

Отмечено, что в 2005–2007 гг. общее число завершенных расследованием преступлений экстремистской направленности в отчетном периоде стало составлять менее половины от всех расследовавшихся. Исходя из этого, сведения о мотивах совершения данных преступлений становятся все менее представительными и изученными.

Изучение данной категории уголовных дел и других материалов показали, что при установлении мотивов совершения лицами преступлений экстремистской направленности в следственной практике часто допускаются ошибки. В их числе специалисты называют следующие: мотивы указываются, но не доказываются, как того требует УПК РФ. Выводы о мотивах нередко формируются на основе только анализа объективной стороны преступления и очевидных характеристик подозреваемых и потерпевших: разной национальности — значит, на национальной почве. Соответственно, не учитываются

* Кузьмина Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Костромского государственного технологического университета.

© Н. В. Кузьмина, 2010

E-mail: kuzmina.nat@yandex.ru

¹ Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. М., 2008.

² <http://www.mk.ru>

возможность длительных межличностных отношений потерпевшего и обвиняемого, наличие между ними конфликтов, не связанных с национальностью, религией, враждой, ненавистью, мести на почве только принадлежности к разным социальным группам; за побудительные мотивы выдаются смыслообразующие. Вместе с тем в уголовном судопроизводстве устанавливаются именно побудительные мотивы преступлений.³

Кроме того, трудность расследования преступлений экстремистской направленности представляет установление именно экстремистского мотива. Во многих случаях экстремизм «исчезал» после определения мотива совершенного преступления и видоизменялся в хулиганство, что имело совсем иную квалификацию содеянного. В данном случае признавалась конкуренция мотивов, и основным считался хулиганский мотив, а экстремистский считался вспомогательным, хотя и допускался.

Реакция правоохранительных органов на проявления экстремизма, как видится, не носит системного характера по ряду причин.

Во-первых, реагирование на экстремистскую деятельность различных национальных, религиозных и других социальных групп происходит выборочно, как правило, с учетом степени их публичной активности.

Во-вторых, наблюдается стремление в большей степени сделать отчет о проведенной работе, нежели внедрить действенные меры по предупреждению данного вида преступлений.

В-третьих, трудности в практике правоприменения вызывает толкование понятия «социальная группа». В действующем законодательстве нет определения данного явления. В научной литературе под социальной группой понимается часть общества, выделяемая по тем или иным признакам, например, пенсионеры. Опасность расширительного толкования понятия «социальная группа» достаточно реальна. Так, в качестве преступления по мотивам вражды и ненависти к определенной социальной группе судами было признано нападение 7 подростков на двух своих сверстников из других неформальных группировок. Очевидно, что до принятия соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ следует руководствоваться складывающейся судебной практикой.

Становится очевидным, что при квалификации преступлений экстремистской направленности сегодня недостаточно знаний о психологическом наполнении субъективной стороны соответствующих составов.

УПК РФ в ст. 73 предписывает, что наряду с другими обстоятельствами при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы.

В связи с этим по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности особое внимание необходимо уделять выяснению обстоятельств, оказывающих определяющее влияние на формирование мотива преступления, — побуждения лица, которым оно руководствовалось при совершении экстремистских преступлений.

К таким обстоятельствам следует отнести членство в каких-либо объединениях или группировках (53 % осужденных за экстремистские преступления являлись членами неформальных группировок), что должно свидетельствовать об устойчивости определенных личностных установок, отличающих их от «ситуационного», «спонтанного» принятия решения.

³ *Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор: Метод. пособие / Под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 38.*

Согласно п. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ «под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом “е” части первой ст. 63 настоящего Кодекса».

УК РФ выделяет мотив как специфический уголовно-правовой признак, присущий преступлениям экстремистской направленности:

- а) являющийся отягчающим наказанием обстоятельством;
- б) являющийся одним из квалифицирующих признаков.

Кроме того, законодатель в диспозиции ряда статей УК РФ прямо говорит о преступлениях «экстремистской направленности».

Деление преступлений экстремистской направленности в зависимости от мотивов совершения и обстоятельств, отягчающих наказание, имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку способствует правильному определению обстоятельств доказывания, предусмотренных ст. 73 УПК РФ: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы и др.

Под мотивом поведения понимается внутреннее побуждение к действию, желание, определяемое потребностями, интересами, чувствами, возникшими и обострившимися под влиянием внешней среды и конкретной ситуации. Вслед за мотивом формируется цель как предвидимый и желаемый результат определенного деяния.

Окончательное заключение о мотивах преступления можно сделать только по расследованным и рассмотренным судами уголовным делам. До этого момента выводы о мотивах могут носить лишь предварительный характер и корректироваться в дальнейшем. В частности, это нередко бывает при рассмотрении дел о соответствующих преступлениях судами с участием присяжных заседателей.

Преступления экстремистской направленности по мотивам национальной вражды или ненависти могут совершаться (и в большинстве своем совершаются) организованными этническими преступными группами или могут быть направлены против этнической группы, в силу чего их следует отнести к такому виду преступности, как *этническая преступность*. Безусловно, экстремизм как негативное явление может вытекать из других видов преступности и пересекаться с ними.

Предтечей к выделению преступлений этнической направленности были так называемые преступления на почве ненависти. Преступление на почве ненависти — специальная юридическая квалификация особого рода преступлений против личности, совершаемых под влиянием ненависти к лицам иной расы или национальности, вероисповедания, этнического происхождения, политических убеждений, пола и сексуальной ориентации.⁴

Такая юридическая квалификация существует в некоторых штатах США, в ряде государств Западной и Центральной Европы. При этом во многих случаях квалификация преступления как «преступления на почве ненависти» ужесточает уголовное наказание, назначаемое виновному. Ужесточение наказания может выразиться в большем

⁴ Мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды при совершении убийства / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2000. С. 21.

сроке лишения свободы, в назначении пожизненного заключения. В некоторых штатах США, где не отменена смертная казнь, ужесточение наказания может выразиться и в назначении виновному смертной казни. В других случаях квалификация преступления как преступления на почве ненависти может не изменять тяжести наказания и носить лишь морально-политический или формально-юридический характер.

В остальных штатах США, а также остальных западно- и центральноевропейских государствах формальная юридическая квалификация того или иного преступления как «преступления на почве ненависти» в законах отсутствует, и обвиняемого в преступлениях подобного рода судят как за обычные преступления (например, обычное убийство). Вместе с тем сложившаяся по факту судебная практика в этих странах традиционно принимает во внимание наличие мотива ненависти у убийцы, что обычно влечет более суровое наказание даже в отсутствие формальной юридической квалификации преступления как «преступления на почве ненависти».

В некоторых странах Западной и Центральной Европы и некоторых штатах США к категории лиц, преступления против которых попадают в категорию «преступлений на почве ненависти», отнесены также люди другой сексуальной ориентации, другого пола и инвалиды.

Этническую преступность можно определить как массовое, исторически изменчивое, социально-правовое, антиобщественное явление, слагающееся из совокупности действий, запрещенных уголовным законом (преступлений), совершаемых на определенной территории в тот или иной период времени по линии этнической общности. При выяснении содержания понятия «этническая преступность» следует учитывать абсолютно правильный, на наш взгляд, подход М. П. Клейменова, который считает, что «...“этническая преступность” — условный (операциональный) термин, охватывающий криминологическую реальность, которая связана с этническим фактором и проявляется в механизме преступной деятельности, в формировании криминальных объединений, непосредственно в совершении преступлений. Иными словами, эта дефиниция ни в коем случае не утверждает наличия криминального этноса, генетически “запрограммированного” на совершение преступлений, но указывает на гипотетическое существование корреляций (положительных и отрицательных) между этническими признаками и преступным поведением. Ключевыми здесь являются *особенности этнической криминальной психологии*».⁵

Исходя из вышеизложенного, целесообразно детально изучить *психологические факторы в структуре механизма детерминации этнической преступности, что позволит более взвешенно подойти к изучению субъективной стороны в преступлениях экстремистской направленности и их правильной квалификации*.

Согласно мнению ряда отечественных ученых, «этнический ренессанс» конца XX в., сопровождающийся повышенным уровнем межэтнической конфликтности и напряженности, связан с ростом этнического самосознания.⁶ Действительно, этническое самосознание и его рост играют большую роль в системе детерминант этнической преступности, развертывании любого межэтнического конфликта, так как в «психологическом этаже» этнического самосознания содержится много конфликтогенных факторов. Однако мы не склонны определять рост этнического самосознания как основную

⁵ Клейменов М. П. Криминология: Учебник. М., 2008. С. 325–326.

⁶ Сикевич З. В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). М., 1996. С. 6.

причину «взрыва этничности» в конце XX в. Этническое самосознание и его рост — это скорее необходимая сопровождающая компонента структурных и функциональных этнополитикосоциальных сдвигов и процессов, происходящих и в общемировых, и в региональных масштабах.

Детальное изучение эмпирических индикаторов этнического самосознания позволило вычленил его основной конфликтогенный потенциал. Ниже мы детально остановимся на этой проблеме, но сначала разведем понятия «этническое сознание» и «этническое самосознание».

Первое есть знание о другом, второе — знание о самом себе, следовательно, если этническое самосознание — прежде всего автостереотип, то этническое сознание к представлению о собственном этносе добавляет и «образ» других этносов, т. е. гетеростереотип.⁷

Исследователи этнического самосознания используют целый ряд его эмпирических индикаторов, однако нас интересуют те из них, которые в наибольшей степени выявляют конфликтогенный потенциал этнического самосознания.

К таковым в первую очередь относится *этническая идентификация*, являющаяся первичной основой национального самосознания того или иного народа, ибо в ее отсутствие наблюдается постепенная утрата этничности. Этническая самоидентификация представляет собой многоуровневое образование и выступает основным этническим маркером, не зависящим от изменения социальных ролей, статусов, видов деятельности или иных ориентаций, она базируется, прежде всего, на осознании общности происхождения, традиций, ценностей, верований, ощущении исторической и межпоколенной преемственности.⁸ В определенном смысле ощущение этнической идентичности есть фиксация различия: «мы» — не «они». Именно из этой формы вырастают негативные этногетеростереотипы.

Каковы основные черты «русской» самоидентификации?

Во-первых, безусловно, она присутствует, однако главным признаком русской идентичности выступает православие.⁹

Во-вторых, этническое самосознание по признаку этнической самоидентификации крайне противоречиво. Отмечается ценностная «борьба» традиционных и психологических критериев этничности.

В-третьих, социальное (государство и образ жизни) консолидирует русских значительно в большей мере, чем сугубо этническое (традиции, обычаи, в целом — культура).

Второй индикатор, выявляющий конфликтогенные факторы в этническом самосознании, — это *этнические установки*. К негативным этническим установкам относятся феномены этноцентризма и национализма. *Этноцентризм* по сей день присутствует в этническом самосознании и характеризуется сверхпозитивным отношением к ин-группе (своей группе) и негативным эмоционально-оценочным отношением к аут-группе (чужой группе).

Этноцентризм возникает в ответ на угрозу существования этноса как самостоятельного социокультурного целого и выполняет функцию социально-психологической

⁷ *Этнические процессы в современном мире* / Под ред. Ю. В. Бромлея. М., 1987. С. 6–7.

⁸ *Скворцов Н. Г.* Этничность в процессе социальных изменений // Социально-политический журнал. 1996. № 1. С. 29.

⁹ *Сикевич З. В.* Национальное самосознание русских (Социологический очерк). С. 92.

защиты этноса от инокультурного влияния. Это есть внешняя причина, порождающая феномен этноцентризма. К внутренним же причинам его возникновения относятся: неуверенность в позитивном образе «мы — группы», что влечет за собой интолерантность к чужому образу жизни и мировосприятию. Этноцентризм может возникать также в результате его целенаправленного стимулирования определенными социально-политическими структурами в целях решения экономических и политических проблем. В этом случае происходит как бы привнесение этноцентризма в сознание этноса, его искусственное навязывание этническим группам, что обычно становится возможным в условиях социально-политической и экономической нестабильности в обществе.

Однако современные этнологи приходят к выводу, что этноцентризм — это не единственная форма этнических взаимоотношений. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что этносы могут строить свои взаимоотношения на основе сотрудничества и уважения к иноэтническому окружению.¹⁰

Крайним выражением негативных гетеростереотипов становится *национализм*, сущность которого в современной социологической науке трактуется весьма широко. *Школа неомарксизма* рассматривает национализм как реакцию на неравномерность развития. В результате распространения капитализма центры торговли и промышленности процветают, в то время как периферийные районы остаются слаборазвитыми. Национальные лидеры, выдвигая тезис об эксплуатации периферийных районов, обращаются к идеям их культурного возрождения и актуализируют национальные чувства.

Согласно *модернизационному подходу* к изучению национализма природа этнических идентичностей изменяется в результате модернизации социума, которая ведет к обострению конкуренции за использование рыночных взаимоотношений и доступ к определенным областям деятельности. Все это обычно и порождает межэтническую и региональную вражду.

Культурно-плюралистический подход строится на постулате о том, что межэтнический конфликт возникает тогда, когда группы со взаимно несовместимыми целями пытаются существовать в едином обществе.¹¹ На базе протеста культурной унификации могут возникнуть националистические движения, склонные к экстремистским действиям. Такие движения будут широко использовать национальную символику, обладающую большим эмоциональным потенциалом, их лидеры будут говорить правильные слова о защите родного языка, веры отцов и национального очага, а поэтому у них не будет недостатка в сторонниках. Противодействие националистам могут оказывать шовинистские организации, в том числе фашистского толка, применяя нацистскую символику, идеологию и ритуалы. Понятно, что и те и другие вполне могут прибегнуть к террористическим акциям.

К таким акциям в современной России стали прибегать не так уж и редко, причем даже и не в ответ на чьи-то шовинистические выпады. Например, от рук фашиствующих молодчиков в 2003–2004 гг. пострадали представители азербайджанского и таджикского народов. Реакция государства на эти тяжкие преступления была достаточно вялой, а уголовное наказание — неоправданно мягким.¹²

¹⁰ *Роцин С. К.* Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность 20 века // *Расы и народы (современные этнические и расовые проблемы)*. М., 1993. № 23. С. 59–104.

¹¹ *Хесли В. Л.* Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // *Политические исследования*. 1996. № 6. С. 42.

¹² *Антонян Ю. М.* Природа этнорелигиозного терроризма // *Российский следователь*. 2004. № 6. С. 17.

Согласно статусно-групповому подходу этнические группы следует понимать как расширенные родственные кластеры, функции которых аналогичны тем, которые выполняют семейные узы и обязательства, в кризисных социально-экономических ситуациях этнические связи становятся естественной основой политической организации общества. Национал-сепаратистские движения выдвигают на первый план именно те характеристики группы, которые отличают ее от других, например, язык.

Рационалистический подход строится на положении о том, что выбор индивидом моделей поведения зависит от соотношения потенциальных издержек и выгод такого поведения. Индивиды будут принимать участие в коллективных действиях, в частности в национально-политических движениях, только в том случае, если выгоды от членства в группе превышают издержки.

Необходимо отметить, что в работах зарубежных ученых акцентируются духовные параметры национализма, под которым обычно понимают любое выражение национальных интересов. В отечественной же традиции игнорируется духовная компонента. Многие российские политологи приравнивают национализм к фашизму, т. е. к конкретной политической доктрине. В любом случае национализм — производная этнического самосознания, которое в определенной стадии развития народа концептуализируется и идеологизируется.

Именно политизация этничности чаще всего приводит к явлениям национализма и политического экстремизма. Для этого достаточно: 1) предоставить людям возможность осознать роль политики для сохранения их этнокультурных ценностей; 2) направить их поведение в сферу политической деятельности, опираясь на групповое самосознание.

Здесь следует отметить, что руководящие националистические деятели опираются на массы и оперируют ими. Постоянная адресованность к множеству людей заслоняет интересы отдельной личности, в силу чего может сложиться тенденция их ущемления, пренебрежения или грубого нарушения. Поэтому при межнациональных конфликтах часты не только террористические убийства «чужих», но и готовность пожертвовать «своими», причем многими, если это нужно для достижения провозглашенных целей. Чеченская война убеждает в этом.

Чаще всего причиной межэтнических конфликтов становится *воинствующий национализм*. Он выражает тенденцию к суверенизации больших и малых этнолингвистических общностей с целью создания независимой государственности; проявляется в растущей нетерпимости по отношению к этническим меньшинствам, усилению ксенофобии.

Современные зарубежные ученые выдвигают новый концептуальный подход к исследованию национализма, делая акцент на его неоднородности. А. А. Прусаускас разработал триадическую структурную модель национализма, компонентами которой являются:

— «национализирующий национализм» новых независимых государств — это государственный национализм титульной нации, ощущающей свое неустойчивое положение;

— «соотечественный национализм» «внешних национальных отечеств», т. е. тех стран, чьи этнофоры составляют национальное меньшинство в данном «национализирующемся государстве»;

— национализм национальных меньшинств.

Центральный аспект этого треугольника — взаимный межполевой мониторинг: акторы в каждом поле бдительно следят за отношениями и действиями, происходящими в соседних полях.¹³

Третьим индикатором конфликтного потенциала этнического самосознания являются *политико-социальные установки этносов и этнических групп*, которые выявляются через символический или знаковый ряды, преобладающие в массовом и индивидуально-личностном этническом сознании. Эти предпочтения обусловлены менталитетом. Эмпирически «высветить» «тайные знаки», которыми человек руководствуется, причем не всегда осознанно, — сложная задача, требующая опосредованных показателей отношений, ориентаций.

З. В. Сикевич, проводившая уже упоминавшееся здесь исследование, индикатором русского менталитета использовала ассоциативные интерпретации понятий «социализм» и «капитализм». Полученные данные свидетельствуют о том, что выбор той или иной позиции, наряду с другими факторами, зависит и от этнического фактора, и от исторического прошлого этнофора. Например, каждый десятый опрошенный на Дону отвергает социализм из-за «геноцида по отношению к казачеству».¹⁴

Итак, проанализированные нами индикаторы этнического самосознания показывают, что данный феномен включает в себе определенную долю конфликтогенного потенциала: присущая этнической идентичности любого этноса фиксация различия «мы» — не «они»; большая роль этноцентрических и националистических установок в этническом самосознании (как у русских, так и «нерусских»); наличие этнически обусловленных социальных установок в контексте взаимодействия этнофора и государства, значение которых напрямую связано с характером взаимоотношений этноса и государства. При определенных условиях данный конфликтогенный потенциал может мобилизоваться, привести к повышению оптимального уровня напряженности в межэтнических отношениях и, в итоге, к конфликтам и этнической преступности.

Конфликтогенные факторы, которые значительно обостряют конфликты и расширяют субъектный состав, также заложены на уровне поведенческой психологии и психологических механизмов. В межэтнических конфликтах немало спонтанного, стихийного, связанного с импульсивным поведением больших масс людей, объединенных одной идеей, устремлением. Существенный вклад в понимание массовой психологии внес З. Фрейд своей работой «Массовая психология и анализ человеческого «Я»».¹⁵

Современная этническая психология также дает некоторое разъяснения феномена *массовой мобилизации* при возникновении межэтнической напряженности. Ю. П. Платонов делает диагностику особенностей социальной направленности этнической группы и этнического субъекта.¹⁶ В частности, он выделяет следующие группы социогенных потребностей этноса: 1) потребность в сотрудничестве, совместных коллективных действиях; 2) потребность в лидерстве и руководстве; 3) потребность в самовыражении, самоутверждении, в престиже и успехе, и др. Наличие данных потребностей

¹³ Празаускас А. А. R. Brubaker. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge UnivPress, 1996 // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 141–145.

¹⁴ Сикевич З. В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). С. 95.

¹⁵ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». Фрейд З. «Я» и «Оно». Книга 1. Тбилиси, 1991. С. 71–139.

¹⁶ Платонов Ю. П. Проблемы этнической социальной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1993. № 6. Вып. 1. С. 57–65.

и мотивирует изначальную силу группового стремления к самоутверждению и даже к автономии, а также к жертвенности. Потребность в совместных коллективных действиях объясняет достаточно быструю массовую мобилизацию этнических групп в разворачивании конфликта.

Кроме этого, психология изучает роль субъективного фактора в разворачивании межэтнических конфликтов. Как правило, в обществе имеются группы людей, заинтересованные в тех или иных видах конфликтов и сознательно их поддерживающие. Действия этих сил непросто обнаружить.

И, наконец, в межэтнических конфликтах и этнической преступности много иррационального. Конфликтующие стороны очень часто игнорируют открывающиеся возможности для предотвращения углубления конфликтов. Получается, что люди зачастую намеренно идут на конфликт, который впоследствии выходит из-под контроля противоборствующих сил и разворачивается по своей собственной логике.

В заключение необходимо отметить, что этнические конфликты и этническая преступность как сложные социальные явления обусловлены системой детерминант. В этой системе наряду с объективными детерминантами целесообразно выделять субъективные детерминанты, к которым и относятся социально-психологические явления, порождающие преступность, в том числе экстремизм, и конфликты. Роль и место психологических факторов в детерминирующих связях этнической преступности, экстремизма и конфликтов требуют более детальных эмпирических и теоретических разработок.